

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

БУДЬ ОСТОРОЖНЕЙ
В СВОИХ ЖЕЛАНИЯХ

ЖИВАЯ ВОДА

Девочки мои. Психологические романы Ю. Лавряшиной

Юлия Лавряшина

Живая вода

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лавряшина Ю. А.

Живая вода / Ю. А. Лавряшина — «Эксмо», 2025 — (Девочки мои. Психологические романы Ю. Лавряшиной)

ISBN 978-5-04-218635-6

«Живая вода» — роман о любви, которая может как губить, так и спасать, даруя крылья. О вечной борьбе жизни и смерти. Юлия Лавряшина исследует человеческую способность вынести горе. Можно ли починить надломленную душу — и как это сделать?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-218635-6

© Лавряшина Ю. А., 2025
© Эксмо, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Юлия Лавряшина

Живая вода

© Лавряшина Ю., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Глава 1

Вода в аквариуме казалась густой и мягкой. В ней плавал солнечный блик, примостившийся на спине золотой рыбки, которую кто-то назвал так в надежде на чудо. Луч пропустила крошечная, словно проткнутая леской, дыра в портъере. Окно закрыто – на улице слишком солнечно.

- Слишком солнечно.
- Что ты говоришь?
- Ты же спросила: почему я задернул шторы?
- Я не спрашивала... Но раз уж... Так почему?
- Слишком солнечно.
- Ты же любишь солнце.
- Недостаточно. Она – солнечная. Я любил ее недостаточно.
- «О господи, – вздохнула она про себя. – Опять он...»
- Ее? Ты о Кате?
- А о ком же еще?

Помолчав ровно столько, сколько необходимо человеку для того, чтобы освоиться с тем, что его существование кажется совершенно бессмысленным, Наташа подтвердила тоном, свободным от эмоций:

- Ты прав. Она солнечная.

Ей представилось, что Арсений сам проковырял эту дырочку в портъере, чтобы тайком заглянуть в тот мир, где была Катя. Там был цветочный рай и всегда светило солнце, которым она надеялась согреться без Арни...

– Знаешь, чем я тут занимаюсь? Сижусь и на разные лады повторяю свое имя. Что ты так смотришь? Не настоящее, конечно. То, как она меня называла. «Арни».

Вытянув шею, он выглянул из-за аквариума:

- Ты ведь понимаешь почему?
- Кажется...

Наташа подумала: если знать, что в этом имени больше Кати, чем его самого, тогда можно признать – то, чем Арни тут занят, не так уж безумно.

– Интересное имя, – заметил он так, будто речь шла о ком-то постороннем. – Оно может быть раскатистым, а может быть протяжным. Как захочется.

– Еще его на французский манер можно произносить. Тогда это звучит как название вина.

Но ее попытка войти в Катину фантазию была отвергнута с ходу. Арсений отрывисто произнес:

- Нет. Это будет уже не то. Она так никогда не произносила.

Наташа не позволила обиде даже приподняться:

– Ты совсем измучил себя. Уже столько месяцев прошло... С чего ты взял, что сегодня она придет тебя поздравить? Тридцать пять лет – не бог весть какая дата... Катя ведь ни разу не заходила после вашего развода.

- Мне тошно...

Арсений сморщился и посмотрел на нее взглядом, в котором Наташа, если б захотела, различила бы отвращение. Казалось, будто он только теперь почувствовал вкус настоящей жизни, а до того Катя перебивала собой все.

– Помнишь, что Бунин писал про легкое дыхание? Это ведь про Катю... Ты не задумывалась?

Ей опять пришлось согласиться. Катя действительно была единственной из женщин, с кем Наташа ни разу не поссорилась, хотя они были вместе чуть ли не целые дни. Бывшая жена

Арсения относилась к тем счастливым людям, которым нравится жить так, как они живут, и поэтому им некому завидовать и не на кого раздражаться. Недавно Арни был таким же.

– Что я наделал...

Эти слова Наташа слышала уже, наверное, в тысячный раз. Они не требовали ответа, ведь это был не вопрос – вопль. Иногда отчаянный, чаще – совсем тихий. Она села на стул, потому что на диван теперь ни сам Арсений, ни кто-то другой не садились, будто он стал последним ложем умершего. Собственно, так и было, если считать Арсения с Катей за одно живое существо, каким все их и воспринимали. Это существо было подвижным, ему не лень было фантазировать ради людей, которых оно любило. И за ним всегда теплым ветром неслась радость, которую все они вдыхали. И тем были живы уже много лет...

Сейчас она видела лицо Арни через аквариум. Оно стало зеленоватым и текучим, хотя в воде движения не было. И рот, и глаза сделались еще больше, а нос расплылся по лицу, теряя форму, которой Наташа всегда любовалась. Молча, конечно, чтобы не рассорить мужа со средним из его братьев. Арсений и так с полгода прожил в изоляции, хотя все они продолжали целыми днями, как подневольные спутники одной планеты, вращаться внутри своего семейного кафе со смешным названием «Обжорка». Кажется, Катя придумала такое имечко... Или Арни... С такого расстояния не разглядишь.

До того дня, когда Катя... Словом, до того самого дня, о котором в их семье даже не упоминают, это кружение было веселым, карнавальным. Когда столько мужчин и женщин с утра до вечера двигаются в одном ритме, вполне может случиться, что они увлекутся движением как таковым... И не заметят, как перепутали партнеров. Ведь в том, что происходило между Арсением и Светой на этом самом диване, куда теперь никто не решается сесть, не было ничего, кроме ритма.

Только вот Катя не могла смотреть на это именно так. Она вообще ни на что не могла больше смотреть – в этом была уверена не только Наташа. Глаза у нее потемнели, а взгляд стал таким, будто все, что Катя видела перед собой, доставляло ей боль. И от этого вся она – летящая, высокая, с рассыпающимися по плечам темными, отсвечивающими рыжиной волосами («Солнечными!») – тоже потемнела. И движения ее стали неуверенными. Казалось, Катя не могла решить, куда ей ступить и стоит ли это делать.

В ней появилась печальная сосредоточенность, свойственная тяжелобольным людям. Раньше она только изредка проглядывала между взмахами ресниц, потом Катя загоняла ее внутрь. Она и вправду была человеком легким и никого не подавляла, хотя бы приоткрыв собственную глубину. В этом Арсений не преувеличивал, хотя Наташа и пыталась поймать его на том, что он отсекает от образа бывшей жены все, не свойственное обычным людям.

– Не создавай из нее божество! – даже протестовала она, добавляя про себя: «Иначе почувствуешь себя Иудой».

Ее пугал шелест осины, к которому Арни все чаще прислушивался. Как-то раз, поймав *такой* его взгляд, Наташа сказала без пояснений: «Только не это, понял?» Он ответил так, что, будь ей страшно чуть меньше, эта фраза показалась бы претенциозной: «А что еще остается, когда твое солнце ушло?»

Наташе и самой не удавалось отделаться от ощущения, что с Катиним уходом в кафе весь день напролет стал гореть электрический свет. Было что-то искусственное в том, как все они теперь улыбались, как весело суетились на кухне и за стойкой, развлекали ребятишек, которых мамы приводили на праздники. Арсений продолжал наряжаться смешным гигантским Зайцем, но Наташе казалось, что все в зале, даже самые маленькие, понимают: эта зверюшка долго не протянет без своей сумчатой подруги.

– Его словно от космоса отключили, – как-то сказала свекровь, которую Наташа подозревала в особой, плохо скрываемой нежности к среднему сыну.

Эти слова о космосе вдруг вернулись теперь, когда Наташа оставила Арни в полутемной комнате наедине с молчаливыми рыбками и кричащим диваном. Может, потому, что она вышла к скамеечке у кафе, где любила сидеть Катя, раскинув по белой ажурной спинке длинные руки и подставив солнцу лицо. Волосы ее светились в такой же день, как этот, но только сейчас, когда Катя из реальной стала воспоминанием, Наташа ясно увидела, как спускался на эту чуть рыжеватую голову луч света. Он не смешивался с остальными. Этот странный луч предназначался только для Кати, а никто из их семьи этого даже не заметил.

«Теперь еще и я навоображаю, что она не от мира сего! – рассердилась на себя Наташа. Не только за эти мысли, но и за то неоправданное чувство робости, которое шевельнулось в ней, когда она присела на «Катину» скамейку. – Нормальная она. Веселая. Или нет? Добрая? Что я о ней знаю, кроме того, что она любит яблоки, кофе и джаз?»

Она помнила, каким праздником было, когда после закрытия кафе Катя забиралась на стойку и усаживалась там, свесив ноги, как девчонка на заборе. Такое случалось не каждый день, и втайне все ждали, когда Катя подарит им этот тихий вечерний праздник. Она любила и шумные тоже, сама устраивала, но эти их путешествия по Катиному воображению были особыми. Они прихватывали первые попавшиеся стулья и усаживались как попало. И в этом легком хаосе уже было предчувствие праздника, который обычно они устраивали другим. Наташа в открытую доставала сигареты, а ее муж, Слава, без церемоний снимал ботинки. Арни плюхался на стул задом наперед, и глаза у него вспыхивали, будто он сливался со своим самодельным деревянным конем и превращался в нетерпеливого горячего кентавра, готового пуститься вскачь, куда бы ни позвала эта женщина, которая всегда оказывалась выше всех. Совсем не оттого, что позволяла себе садиться на стойку...

– А еще, – начинала Катя так, словно продолжала на секунду прерванный рассказ, – в текстах пирамид говорилось о вьющемся водном потоке. От имени умершего царя, я не помню имени, там было написано...

– А что за «тексты пирамид»? – перебивал Слава, который не мог оставить невыясненной какую-то деталь, даже если не хуже других понимал: все, что рассказывает Катя, – преломление прочитанного в ее собственной фантазии и нельзя принимать это как достоверный факт.

– Это иероглифы на стенах пирамид, – рассеянно поясняла Катя.

Ее увлекал «вьющийся водный поток», и она с трудом замечала тех, кто оставался на берегу. Арни понимал это:

– Так что там говорилось?

Ее чуть приподнятое лицо вновь начинало светиться, хотя над головами был потолок, а не египетское небо:

– «Вьющийся водный поток течет, поля разлива наполнены водой, и я направляюсь выше к восточной стороне неба, ко дворцу, где боги примут меня, где я буду рожден снова молодым...»

На Катину уже наплывало лицо Арни – раскрасневшееся, хотя он даже не шевелился. Казалось, он вдыхал Катин рассказ, и тот заполнял его, незаметно делая чуточку другим. Но восхищение в его глазах незаметно сменялось печалью, будто он мог предчувствовать, что...

«И надо же было ему тогда не запереть дверь! – Наташа в который раз сморщилась от досады. – Увидеть такое... Но кто мог подумать, что она сразу уйдет?»

Катя просто ушла. Никто и не понял, что случилось: проходя через зал, где только двое мальчишек на ощупь находили в вазочках мороженое, потому что не могли оторваться от развешанных по стенам снимков старых автомобилей, Катя произнесла непривычно низким голосом:

– Я ухожу.

– Куда? – только и успела спросить Регина Матвеевна, которую вслед за Арсением все звали просто Рема.

На вопросительный взгляд свекрови Наташа только пожала плечами: откуда ей-то знать, что стряслось? А несколько секунд спустя в зал влетел Арсений, волной распространяя тревогу. Кажется, он сразу сбил что-то, потому что они с Ремой вздрогнули от грохота. Лицо у него было таким белым, что это до сих пор оставалось необъяснимым: по всем законам природы его должно было бросить в жар.

– Где Катя? – У него тоже был незнакомый голос. – Или мне показалось? Она была здесь?

Приподняв банку с соком, которую собиралась перелить в цветной кувшинчик, Рема удивленно спросила:

– Что ты бормочешь? Она только что ушла.

– Куда – не сказала, – добавила Наташа и сделала шаг из-за стойки. Ей показалось, что Арни сейчас упадет.

Но он удержался, только безотчетным жестом огладил обе щеки, как иногда делал, наверное, сам того не замечая.

– Да что с тобой? – спросила мать, уже почуяв неладное.

Видимо, о том, что произошло между Арсением и женой младшего брата, по Светкиному замыслу все должны были узнать немедленно, ведь в зал она вошла лениво заправляя блузку и, погладив бедро, нахально сказала:

– То, что доктор прописал.

Арсений рывком повернулся и хотел спросить о чем-то, но то ли не смог, то ли ответ стал ему ясен и без чужих слов.

– Не ходи за ней! Не сейчас, – чуть тише добавила Рема. – Что ты можешь ей сказать?

– А что смогу потом?

Он говорил с матерью, но посмотрел на Светку, и той мгновенно расхотелось улыбаться. А Наташа впервые пылко поблагодарила Бога за то, что слишком стара, чтоб оказаться на ее месте. Ведь если б Арсений захотел...

Она пропустила слова Ремы, увлекшись мыслями о том, что могло и чего не могло быть внутри их семьи, где Катя с Арни были центром, а остальные распределялись по полюсам. Они со Славой представляли полюс благоразумия. А Юра со Светой балансировали на грани абсурда и понимали это не хуже других. Жили они прямо в кафе, потому что у матери была одна комната, а купить квартиру при их тратах было невысказано даже лет через двадцать.

Поскольку у них было больше оснований чувствовать себя в «Обжорке» как дома, и Юра, и Света позволяли себе прямо-таки таскать охалками весь свой сор. Каждый день начинался с коллективного выстраивания версий: где мог заночевать Юрка и не раздобыл ли новой порции какой-нибудь дряни. Никого, а меньше всех Светку, это не приводило в ужас, ведь невозможно было злиться на Юрку всерьез. Для этого нужно было забыть его мальчишескую мордашку и вечные подтяжки навыпуск и попробовать воспринимать его как взрослого мужчину. Это никому не удавалось.

Только иногда Светка, мстительно щурясь, говорила:

– Ну, ты еще пожалеешь...

«Он-то пожалел, – согласилась Наташа, вспомнив, каким побитым ходил в те дни Юрка. – А вот Кати с Арни просто не стало... Ни вместе, ни по отдельности».

Наташу так властно утянул тот день, тяжело выпадающий из подвижной вереницы, что она не заметила, как Арсений, уже сегодняшней, появился на пороге кафе. Шагнув на белое, скользкое зимой крыльцо, о чем они предупреждали, вывесившая объявление, он остановился и тоже подставил лицо солнцу.

– Привет, именинник!

Он равнодушно отозвался:

– У меня не именины, а день рождения. Это разные вещи.

– Просто другого слова не придумаешь. – Ей удалось проговорить это, не выказав, что сердится.

– А ведь верно. И почему?

Арсений подошел к скамейке, чтобы не кричать, ведь кафе выходило прямо на улицу, благопристойную своей немногочисленностью и добротной архитектурой, которая в городе красно-белых коробок казалась изысканной. Правда, гимназистов, обитающих в соседнем здании, ни белые полуколонны, ни изящные балясины декоративных балкончиков не приводили в трепет, и Наташа находила это правильным. Для нее в мире не существовало ничего более ценного, чем дети. Жаль, что у Кати их не было...

– Ты к ней? – спросила она совсем тихо.

– Сам не знаю зачем... Она уже тысячу раз сказала мне: «Нет». Тридцать пять – это действительно не такая уж великая дата. Она не станет делать мне подарков.

Арни хотел улыбнуться, но передумал в последний момент. Его пальцы сжимали брелок с ключами, точно Арсению было необходимо, чтобы что-то острое впивалось в ладонь. Иначе он перестал бы ощущать себя живым.

Не оставив ей времени придумать, что бы сказать, Арсений продолжил так же пунктирно:

– Вот теперь я знаю... Такое чувствует водитель. Сбивший ребенка. Случайно. Просто нарушив какое-то правило. Он не подумал, чем это может обернуться.

– Почему ты тогда не запер дверь? – вырвался наружу тот вопрос, который Наташа задавала себе. – Хоть Кати и не было... Но это же так естественно! Кто угодно мог войти.

Арсений не сразу понял:

– Какую дверь? А... Я был уверен, что закрыл ее.

«Светка?!» – Ей стало не по себе от этого простого объяснения. Если до него доберется и Арни, он размажет Светку по той самой двери, и никто его не остановит.

– Зачем ты согласился на развод? – скороговоркой спросила Наташа, чтобы отвлечь его. – Надо же было сопротивляться!

– Как сопротивляться? Она ведь даже отказывалась поговорить со мной, пока мы не разведемся. А сейчас, по ее мнению, говорить больше не о чем.

Во всех деталях, со звуками и запахами, она вдруг увидела, как утром Арсений ворвался в блестящий от солнца и не просохшей на столах влаги зал их кафе – двухметровый Заяц с остекленевшими от восторга глазами. Едва не выбив косяк, он вылетел на самую середину и завопил:

– Ну, поздравляйте меня!

Наташа и не думала, что через несколько часов увидит его спрятавшимся от собственной радости, когда подбежала потаскать его за длинные заячьи уши. В этот костюм Арни обрядился, когда кафе снимали, чтобы справить день рождения ребенка или провести другой детский праздник. Все малыши радостно взвизгивали, завидев его, а без костюма уже не узнавали...

Сегодня он постарался для себя самого... Только сейчас Наташа поняла, сколько в этом было робости: Арни опасался, что больше его никто не поздравит.

«И был прав. – Ей стало трудно смотреть на него. – Никто не придумал для него чего-нибудь особенного. Всегда ведь он все затевает, к этому привыкли. Только Катя могла сделать для него то же самое. А теперь...»

– Ей нужно время, – внушительно произнесла Наташа, прекрасно сознавая, что говорит банальность.

Но ей казалось, что Арсений переживает как раз тот момент, когда необходимо услышать прописные истины, которые теперь могут быть поняты совсем по-другому.

Арни усмехнулся, и ключи ненадолго затихли.

– Ты предлагаешь мне подождать лет до пятидесяти? Ну конечно, эта дата будет послондней... Может, хоть тогда...

Она сердито шлепнула его по голому локтю:

– Ты себя представь на ее месте! Увидеть такое... Думаешь, это может быстро выветриться из памяти?

– На ее месте я запретил бы себе думать об этом.

– Легко сказать...

– Ну да, да! – крикнул он, отступая от нее. – Я знаю, что я полная скотина! Так что же мне теперь делать с этим проклятым знанием? Я дал бы любую клятву, что это никогда больше не повторится. Только она не хочет никаких клятв. Она ничего больше не хочет... – Его лицо стало умоляющим: – Может, она никогда не любила меня?

«Вот смешной Заяц! – подумала Наташа с нежностью. – Как он откровенно ждет, что я сумею его переубедить...»

– Дурачок, если б Катя не любила тебя, ей ничего не стоило бы все забыть. А ей слишком больно.

Арсений мрачно подтвердил:

– Она то же самое сказала, когда попросила больше не приходить. Что ей слишком больно... Только почему у нее голос был таким деревянным?

– Наверное, она просто боялась расплакаться. Иногда ведь не разберешь, почему человек отказывается от чего-то: потому что хватает сил или слабости.

– Тошно мне, – сказал Арни таким голосом, будто и впрямь что-то уже поднималось к горлу.

– Сходи к ней. Вдруг ей захочется тебя видеть? Что бы там ни было, но Катя не может не помнить, какой сегодня день.

– Какой? Большая радость миру оттого, что в этот день еще один подонок увидел свет. Собственно, только для того, чтобы погасить его в лучшей из женщин.

– А с чего это ты так уверен, что Катя – лучшая? – вырвалось у Наташи прежде, чем она сообразила, что может Арни расслышать в этих необдуманных словах.

Из кафе вышел высокий старик с вольно откинутыми со лба седыми прядями. С ним была девочка – такая маленькая, что едва переросла его колено. Держась за руки, они не спеша направились к аллее, где геометрическими узорами горели клумбы. Заметив, как Арни проводил их взглядом, Наташа вернулась к уже отзвучавшему сожалению: «Были б у них дети, Катю можно было бы удержать... Разве наши девчонки позволили бы расстаться нам со Славкой?»

– Я никогда не научусь говорить об этом спокойно.

Ничего не добавив, он повернулся и пошел следом за дедом с внучкой, но на аллее направился в другую сторону так быстро, словно опасался погони. Наташа попыталась сквозь череду пыльных карагачей разглядеть, как Арни идет в сторону реки, делая широкие шаги и машинально обходя пестрые клумбы, которых не видит. Прошлым летом они с Катей чуть ли не ставки делали на то, из каких цветов составят новые узоры. А этим летом ничего уже не было: ни споров, ни воплей, ни ставок... Потому что не было самой Кати. Может, в память об этом она и устроилась в цветочный магазин. Раньше все они связывали это с ее медицинским образованием – все-таки биологию изучала... А теперь подумалось: она бросилась за поддержкой к цветам, лишь бы не задохнуться от отсутствия красоты. Чтоб заменить Арни, потребовался целый магазин цветов...

«Становится ли ей легче, когда она возится со своими букетами? – Наташа посмотрела на свою руку с сигаретой и неожиданно подумала: – Уродство».

Глава 2

Лицо Арсения, как отражение луны, плавало над зелеными хризантемами, напоминающими пучки водорослей. Кате показалось, будто от них пахло морем, оставившим дыхание в желобках узких лепестков. И представился зеленоглазый ныряльщик, доставший эти диковинные растения с самого дна. Может, того самого моря, возле которого Кате хотелось купить домик. Неподалеку от него и находились те потрескавшиеся от времени скалы, с которых придуманный ныряльщик и прыгал в воду, чтобы сорвать похожие на цветы водоросли. Потом он просушил их, завернул в целлофан и зачем-то отдал Арни.

– Зачем? – спросила она, думая о своем.

– У меня ведь сегодня...

Он не смог договорить и сделал виноватые глаза, словно Катя была тяжелобольной, при которой неловко было даже упоминать о празднике. Она чуть улыбнулась:

– Я помню. Хотела позвонить после работы.

– После работы можно было бы и зайти.

– Но ты меня опередил...

– А ты зашла бы?

– Нет. Ты же знаешь, я не люблю изображать то, чего нет. Мы не друзья, Арни. И не станем ими.

Оттого, что она продолжала улыбаться, эти слова показались Арсению особенно обидными. Его не утешило даже то, что она назвала придуманное имя, которое Арсений половину дня твердил как заклинание, способное приманить Катю. Пытаясь загордиться от обиды тем, что было под рукой, Арни спросил, тронув хризантемы:

– А если б я зашел к тебе просто как покупатель... Какой букет ты посоветовала бы взять для любимой женщины?

– Для женщины, – опустив главное слово, повторила Катя, – обычно покупают букеты округлой формы. Вернее, мы предлагаем... Вот как эти... А для мужчин – устремленные ввысь. Хотя не для всякого мужчины такой подошел бы...

– Для меня подошел бы? Ну скажи, что во мне нет ничего высокого! – Он уже готов был закричать от обиды.

Но Катя опять улыбнулась:

– Да есть, есть, успокойся! Я вовсе не стала считать тебя ничтожеством из-за того, что произошло. Поможешь переставить эту пальму? Ты не много выпил?

– Катя...

– Берись с той стороны. Сейчас все наши новые буржуа просто с ума сходят по этим пальмам. Особенно почему-то по финиковым... Как Фрейд это истолковал бы?

– Уж он придумал бы... Катя, подожди!

– Опускай. Пусть здесь теперь немного постоит. – Она взглянула на него вскользь. – Время от времени надо что-то менять в своей жизни. Ты научил меня этому.

Он проследил, как ее пальцы ритмично сжимают ручку маленького пульверизатора, из горлышка которого на розы рассыпались яркие, как искры, брызги. Обручального кольца на руке уже не было, а других Катя и раньше не носила.

– А я ношу. – Он повертел свое.

– Зачем? – не удивившись, спросила она. – Я вовсе не требую, чтоб ты каялся всю оставшуюся жизнь.

– Глупости! Мне просто нравится его носить.

Катя засмеялась и брызнула в его сторону:

– Врешь ты все! Если б тебе нравилось быть женатым... и на мне... Тогда тебе не потребовалась бы другая женщина.

«Она больше не называет ее по имени, – отметил Арсений. – Какая там еще женщина! Просто Светка...»

– Она мне и не... Катя, я же тысячу раз говорил!

– Я помню. – Она снова занялась цветами. – Ты сам не понимаешь, как это произошло. Правильно? Значит, это оказалось сильнее тебя. Оно хоть того стоило, Арни?

– Нет! – выкрикнул он, забыв, где находится. – Ты же знаешь... Если б стоило, я не здесь был бы сейчас!

Сунув ему маленькую керамическую кактусницу с колючим колобком, Катя озорно шепнула:

– Слава богу, покупателей нет!

Успев коснуться щекой ее похожих на гриву волос, от которых пахло их общим прошлым, он прошептал:

– Я не хотел. Катя, что мне делать...

– Перестань, пожалуйста. – Она поморщилась. – О чем ты?

Арсений нашелся:

– Что мне делать с этой кактусницей?

Усмехнувшись, Катя сестринским жестом, который показался Арни оскорбительным, похлопала его по плечу:

– Это тебе. Подарок в день рождения. Для твоей колючей семейки. Как они там поживают?

О настоящей семье она не спрашивала. Может, теперь они представлялись ей темной силой, стоявшей за спиной Арсения и готовой яростно защищать его, даже зная, что он виноват. Это было не совсем так, никто Арни не оправдывал. Рема вся морщилась от боли, взглядывая на него, а Славка рычал ему на ухо: «У-у, потаскун проклятый! Что наделал, а? Оторвать бы тебе все на свете...» И вместе с тем никто не мог объяснить, как могла Катя так разом отречься от них.

– Нормально, – сказал Арсений, имея в виду кактусы. – «Заяц» дал отросток, а «Сопля» совсем загнулась. Я ее закопал. Пусть удобряет.

– Жалко, – помолчав, отозвалась Катя. – «Сопля» мне нравилась. Она была самой беззащитной.

– Ты не была беззащитной...

– Я – нет. Я и не погибла, как видишь. Знаешь, любители кактусов организовали целое общество. Они собираются тут неподалеку, в библиотеке, отростками обмениваются, что-то обсуждают... Вот что объединяет людей. Кактусы.

Арсений поводит пальцем по слабеньким колючкам:

– Знаешь легенду о кактусе и розе? Она, конечно, была прекрасной королевой цветов, а он – влюбленным уродцем.

У нее заискрились глаза:

– Ты никогда не был уродцем!

– А это не о нас. Просто легенда. Был прекрасный бал...

– Тоже – прекрасный?

Арсений зловеще проговорил:

– Я сейчас посажу этот кактус тебе на язык.

– Все-все... Я же слушаю!

– Ты смеешься... Так же все эти разодетые гости смеялись над бедным уродцем.

Задохнувшись, Катя быстро закрылась ладонью:

– Арни, я не могу просто... Ты так трагически это рассказываешь! Ты бы видел свое лицо...

– ...они смеялись до тех пор, пока не наступила ночь.

Она так старалась стать серьезной, что это насмешило его. Но Арни продолжил с тем же проникновенным видом:

– А ночью в дальнем углу, где прятался от насмешек кактус, распустился цветок неземной красоты. От него исходил небесный свет... И тогда все эти паразиты, что его дразнили, просто рты разинули. Да так и простояли, как околдованные, до самого рассвета. А утром цветок вдруг исчез, и все увидели в том самом углу лишь знакомого им колючего уродца... И никто не поверил, что эта красота, этот свет могли исходить от него. Никто, кроме королевы. Она оказалась умнее, чем роза Маленького Принца. Она все поняла. Иногда достаточно просто понять... – Помолчав, Арни жалобно спросил: – Сколько ты будешь меня испытывать? Назначь срок! С преступниками ведь так поступают... «Никогда» – это в голове не укладывается!

– Уложится, – завершила Катя. – Я тоже не могла поверить, что это происходит со мной на самом деле.

Арсений пробормотал, испугавшись того, какими непослушными вдруг стали губы:

– Ты собираешься потратить свою жизнь на месть?

– Мечь? – удивилась она. – Ничего подобного. Ни о какой мести и речи не идет! Я как раз собираюсь начать жить.

– Жить? Без меня?

Ее смех всегда был воздушным, а сейчас Арсению почудилось, что он даже заметил, как легко качнулись цветы, по которым скользнуло Катино дыхание.

– Ты уникальный эгоист! Даже представить не можешь, что кто-то может обойтись без тебя?

– Катя, ты – не «кто-то»! Мы же были с тобой как одно целое.

Ее лицо сразу будто вымерзло изнутри. Понизив голос, она медленно проговорила, не сводя с него небольших глаз, темных настолько, что иногда Арсению казалось: заглянешь в них – и увидишь целый Космос:

– Неужели? Значит, в тот день я была с вами?

– Нет никаких «нас»! – Отчаяние опять заставило его сорваться на крик. – Только ты и я.

– Как в песне. Ты и я. Да, Арни? Мы сфальшивили.

– Я сфальшивил.

– Наверное, я тоже, – вздохнула Катя. – Знаешь, сегодня я делала для одной невесты ожерелье из живых цветов. И бутоньерку для жениха. Мы с тобой до такого не додумались... Потому все и закончилось как у всех...

Арни взмолился:

– Слушай, пойдём пообедаем!

Он не мог дольше оставаться в этом искусственном саду, где каждый цветок был на Катиной стороне и осуждающе смотрел на него своим единственным глазом. Здесь было больше кислорода, чем в любом другом уголке их городка, а вот Арсений уже задыхался.

Чуть расширив глаза, которые посветлели, когда она глянула в окно, подкрашенное апельсиновым отсветом, Катя сказала уже другим, повеселевшим, голосом:

– Ты как американец. Недаром я тебя так назвала... Все надеешься решить за обедом. Будешь угощать меня пиццей?

– Просто пиццерия под боком, – пробормотал он, оправдывая свою неизобретательность. – И мы там еще не были... Ты возьмешь хризантемы?

– А ты возьмешь кактус?

Они разом улыбнулись, но эти улыбки вышли неуверенными, будто каждый пробовал ногой холодную воду, за которой еще неизвестно, есть ли дно. Словно защищаясь, Катя подняла сразу две корзинки:

– Давай их тоже перенесем. Это нежные цветы... Я заметила, что здесь им жарковато.

– Ты так заботишься о них...

– Только не говори, что я не заботилась о тебе.

– Заботилась. Я и не думал упрекать.

– Тогда я не собиралась говорить, что цветы не ответят неблагодарностью.

– Я сам об этом подумал. – Он поставил корзинку на белую металлическую полочку у дальней стены и присел перед маленьким, будто испуганным лимонным деревом. – Пахнет. Оно плодоносит? Сколько оно стоит?

– Ты собираешься купить? Для «Обжорки»?

Выпрямившись, Арни потрогал листовую макушку:

– Для себя. Оно похоже на меня, правда? Мы оба космически одиноки.

– О да, – она похлопала его по спине, – артподготовка прошла вхолостую. Лучше подожди меня на улице, я должна все тут закончить. Иди, я не сбегу. Сегодня твой день.

– А завтра? – Он подозревал, что об этом зайдет речь.

– А завтра – обычный.

Ему никак не удавалось заставить себя поверить в то, что это говорит в ней не обида, а желание освободиться. От него самого, от ввевшегося в память отпечатка той сцены в кафе, когда она прибежала домой, так и не поняв из телефонного разговора, что же случилось с Арни, и, ворвавшись в комнату, увидела белые, неестественно белые, показавшиеся неживыми Светкины ноги. И подумала об этой странности. До того, как поняла, что происходит...

Кате ни с кем не хотелось говорить об этом. Ей просто не удавалось представить, как можно заговорить о таком вслух. Это был только ее позор, Катя не понимала, почему Арсений твердит, будто стыдится самого себя. Ведь это она была выброшена из круга людей, достойных уважения. Среди того круговорота желаний, который так властно увлек Арсения в тот день, Катиним вообще не нашлось места.

Она была уверена, что он ни разу и не вспомнил о ней до той минуты, пока она не вошла в комнату и Арни не увидел, но ощутил затылком, плечами ее присутствие. Которое сама Катя в ту же секунду перестала чувствовать. Она растворилась в пространстве, где ее не должно было быть, и это случилось так, будто через все ее тело пропустили разряд – так ее обожгло.

«Наверное, так бывает, когда расстреливают, – подумала Катя, когда вновь научилась связывать слова. – Мгновенный ожог – и больше ничего не чувствуешь... Он не добил меня, вот что плохо. У меня все болит еще сильнее...»

Она помнила, как много ходила в первые дни. Так быстро, будто пыталась убежать от своего тела, в котором поселилась эта боль. Наступление ночи не останавливало ее, а рассвет Катя встречала уже на ногах. На ходу она пыталась разгадать, как другим людям удается отличить душевную боль от физической. Эта была единой.

Еще она пыталась приказывать себе не думать и дошла до того, что начала мысленно проговаривать все вывески и рекламы. Но сумятица слов не смогла вытеснить главного, которое разрасталось в ней, как опухоль, нарывало и жгло: «Арни». Было до того страшно оставаться наедине с этим словом в квартире, которая не помнила пустоты, ведь родители разменяли свою, когда она вышла замуж, и Катя не находилась в ней одна дольше пары часов.

Интересующая их часть Вселенной вмещалась в эту комнату, настолько маленькую, что зимой даже некуда было поставить елку. Когда они в первую свою зиму, бродя по улицам, решали, что же с этим делать – на окне, что ли, нарисовать?! – то увидели прислоненные к изгороди елки, сплюсненные, как цыплята табака. Было ясно, что их только выгрузили из машины,

где их набилось впрытик полбора, но Арни крикнул: «Смотри! Настенные елки. То, что нам надо!» Катя хохотала так, что ей стало жарко на морозе. Тогда ей были не страшны чужие взгляды.

Это потом, без Арни, ее пугала любая тень, шевелившаяся в углу, все шаги в подъезде. Она не знала, чего именно боится, в ней просто поселился страх. И Катя возвращалась домой, когда уже не оставалось сил вышагивать по городу. Если кому-то доводилось увидеть ее – не гуляющей, а бегущей среди ночи куда-то, потом обратно, – наверное, у него рождались мысли о сумасшествии. Но рассудок не желал изменять себе. Это не радовало, ведь Катя искала облегчения, а ее холодная голова не позволяла этого.

Обо всем этом она обмолвилась Арсению всего раз, когда просила не приходить. И следом раскаялась: раз болит, значит, живо. На словах Катя этого не подтверждала, ведь даже из клочка надежды Арни вполне мог сплести веревку, которая опять связала бы их вместе. Он не хотел видеть того, что отныне это будет противоестественно. А Катя знала: между ними всегда, подобно посмертной маске, будет лежать слепок того самого дня, окаменевший уже до такой степени, что ни у Арсения, ни у них вместе уже не хватит сил разбить его.

Ей неприятно было признавать, но ранило еще и то, что авторство принадлежало Светке. Самой незначительной из всех женщин, кого Катя знала.

«Ты приравнял меня к абсолютному нулю...»

Но Катя считала недостойным так думать о человеке.

И ни с кем не говорила о Светке, только прислушивалась к тому, как то и дело просыпается желание ударить ее изо всех сил, чтобы та почувствовала хоть отголосок той боли, от которой им с Арни уже хотелось выть в голос. Деться от нее было некуда, и потому Катя уверяла: нужно освободиться друг от друга, чтобы страдание хотя бы не удваивалось. Какой же больной не ждет хоть незначительного облегчения? Лишь бы наконец продохнуть. Улыбнуться. Почему-то Арни отказывался хотя бы подумать об этом...

Уехать – это было самым простым, что могло прийти в голову. Но Катя потеряла в последнее время слишком много, чтобы лишиться еще и города, который никогда не собиралась покидать. Если только ради домика на море...

Однажды она додумалась до пластической операции... Тогда Арсений просто не узнает ее. Поищет и перестанет... Кате не жаль было пожертвовать лицом, хотя оно ей нравилось. Но все эти выходы были односторонними: любой из них освободил бы Арни, но не ее саму. То, что поселилось в ней, невозможно было удалить хирургическим путем.

Может, сосредоточенность ее поисков слишком бросалась в глаза... Или ведовство, заложенное природой в ту женщину, что оказалась рядом, было сильным настолько, что позволяло читать мысли... Так или иначе, но Лилия Сергеевна однажды заговорила с ней, будто продолжила нестати прерванный разговор.

– Ты же знаешь, – сказала директор, рассеянно оглядывая их цветущий жизнью салон, – если можно приворожить человека, то можно и наоборот.

Катя замерла, стиснув ручку новенькой лейки: «Неужели я разговаривала сама с собой?!»

Это ужаснуло ее, ведь к тому времени ее жажда лишиться разума осталась позади. Голубые глаза директора показались ей лучами, проникающими в душу. От них внутри разбежался холодок, но он был не мертвенным, а на удивление бодрящим, словно Катя глотками пила родниковую воду. И она успокоилась уже до того, как Лилия Сергеевна сказала:

– Я поняла, о чем ты думаешь. Это было несложно.

– Да? – только и смогла сказать Катя.

Они были почти одного возраста, но она почувствовала себя девчонкой, не понимающей очевидных вещей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.